

Герик-Рюрик, его сподвижники и потомки в сочинениях А.М. Курбского

На примере исторических представлений князя А.М. Курбского автор показывает, как были переосмыслены в историописании середины – второй половины XVI в. истоки российской правящей династии и московского боярства. Наряду с легендой о германской этничности Рюрика и его сподвижников Курбский отстаивал идею исконного имперского статуса «Великой Руси», первенства святых князей и их потомков в правах на власть в русских землях и права Острожских и Слуцких на верховную власть в русских землях Речи Посполитой и всей Русской земли.

Ключевые слова: историческая культура, Рюриковичи, варяжский вопрос, А.М. Курбский, Сборник Курбского.

Имя Рюрика встречается в сочинениях князя А.М. Курбского единожды – в мартирии Морозовых, включенном в «Историю о князя великого московского делех». Говоря о смерти Андрея Ивановича Шеина, он вспоминает о происхождении Морозовых из рода, основатель которого был сподвижником Рюрика: «...яже еще вышли от Немец вкупе со Гериком [гlossa: с Рюриком] прародителем русских княжат семь мужей храбрых и благородных, тои то был Мисса Морозов един от них»¹. Упоминание «прародителя русских княжат» и пояснительная гlossa подтверждают, что речь идет именно о летописном Рюрике, с которым новгородцы договорились о княжении около 862 г. И все же этот факт не решает множества других вопросов, которые мы здесь подробнее обсудим. Во-первых, почему у Рюрика появляется германское имя и почему он «из Немец»? Во-вторых, чьим «прародителем» был Рюрик? В-третьих, кто такие «русские княжата»? В-четвертых, на каких

землях они княжили? И наконец, кто эти сподвижники Рюрика, в числе которых был Мисса Морозов?

Почему «из Немец»?

Прежде всего, в архетипе всех ранних списков «Истории», очевидно, читалось германизированное «со Гериком» и к нему была на поле пояснительная глосса «с Рюриком». Следовательно, таким, вероятнее всего, был этот текст в недошедшем до нас протографе Сборника Курбского конца 1570-х или начала 1580-х годов. Курбский часто в своих литературных сборниках пользуется пояснительными глоссами. Среди них односложные – это почти всегда транслитерации на польско-литовском или московском русском, латыни, греческом, татарском. В данном случае в основном тексте приведено имя «Герик», и обращает на себя внимание то, что в Уваровском списке № 301 встречаются следы различения графемы *z*, которая передавала фриктивный *ʒ*, и диграфа *kz*, который обозначал взрывной *z*. Конечно, в московской рукописной традиции это различие очень быстро изгладилось, и из более поздних рукописей диграф исчез. Однако в интересующем нас случае возможна постановка вопроса об использовании Курбским какой-то ранее неизвестной в русских текстах европейской транслитерации имени Рюрика (*Hroerekr*, *Hrodric* и т. д.).

В других случаях Курбский говорит, что Рюрика сопровождали «княжата Решские», что транслитерирует польск. *rzesza* с герм. *Reich* и означает, что указание на выезд Рюрика «из Немец» – знак его происхождения из земель Священной Римской империи. Убеждение в немецком происхождении Рюрика было для XVI в. общепризнанным и в Москве, и в польско-литовской хронистике. Европейские читатели познакомились с этой версией из трех основных источников – благодаря Я. Длугошу, С. Герберштейну и московской дипломатии. Длугош и Герберштейн пересказали доступный им текст «Повести временных лет» без особых комментариев. Длугош считает Рюрика пришлым незаконным правителем, чей сын Игорь сверг законную киевскую власть в лице Аскольда и Дира, по его мнению – лехитов и польских князей, потомков Кия². Герберштейн не сомневается в княжеском достоинстве Рюрика, но не называет Рюрика императором и говорит только о его княжении в Новгородском княжестве (“*Rurick principatum Novuogardiae obtinet*” / “*Rurick namb das Fürstenthumb Großnegarten*”). Однако оценка Рюрика москвитами кажется ему преувеличенной: «Рус-

ские похваляются, что эти три брата вели свой род от римлян, как и, по его собственным словам, нынешний московский государь»³. М. Стрыйковский не принял концепцию Длугоша и на ее месте создал свою. По его мнению, славяноязычные варяги-вандалиты (по происхождению – римляне) основали Вагрию недалеко от Любека, и оттуда-то «руссаки выбрали себе князей из этих вагров или варягов и вандалитов, из народа своего славянского». Этой яркой идее была суждена долгая, до сих пор длящаяся жизнь в историографии. Любекско-славянская гипотеза Стрыйковского опровергала идею чужеродности Рюрика на славянских землях, но примиряла изобретенное славянство Рюрика с его немецким происхождением, принятым и в так называемом «западнорусском летописании» (Никифоровская, Слуцкая, Супрасльская летописи), в котором с конца XV в. «3 брата» во главе с Рюриком выводились «из Немец»⁴.

Великокняжеская дипломатия Москвы опиралась на те же летописные тексты, дополненные «Сказанием о князьях владимирских». В период между «Летописцем вкратце» Михаила Медоварцева конца 1520-х годов и до Государева Родословца, составленного около 1553–1555 гг., было сфабриковано сказание об имперском римском происхождении Рюрика. Его родство с императором Прусом, легендарным братом императора Октавиана Августа, было определено сначала в 14-й степени, а затем в ряде памятников (и в том числе в Государевом Родословце) в 4-м колене, т. е. Рюрик был объявлен его правнуком. Полного слияния имперской версии с варяжской в московском летописании так и не произошло, но это могло быть вызвано и неопределенностью местонахождения «варягов» для московских книжников. При этом имперский титул Рюрика прямо не заявлялся, а колена, отделяющие его от Пруса или Августа, никем не уточнялись. К началу Ливонской войны данная фабрикация имела крайне сырой вид, но это позволяло ее при необходимости наполнять все новыми подробностями. В московских переговорах июля–августа 1561 г. с представителями шведского короля Эрика XIV русское государство московского царя произведено московскими дипломатами «от великого царя русского Рюрика и Владимира, крестившаго Русскую землю»⁵. Употребленный в единственном числе царский титул в этой формулировке был признан московской дипломатией за князем Владимиром не позднее 1554 г., но в отношении Рюрика этот же титул звучал впервые, а в указанном виде представлял собой авантюру, направленную на создание дипломатического прецедента. Вряд ли Курбский, как юрьевский наместник, мог не знать предписаний

этикета в отношениях с Швецией. Однако данная авантюра не получила развития в летописных памятниках 1560–1580-х годов, а Курбский точно в соответствии с московской нормой передает имперский статус Владимира I и Владимира Мономаха с помощью эпитета «Великий» (используемого и в целом для домонгольской Русской земли), однако Рюрика царем не считает.

Чей прародитель?

Статус «прародителя» был хорошо известен и русскому летописанию, и польско-литовской ренессансной хорографии. Особую популярность в конце XV–XVI в. приобретают эпонимы, которые остро обсуждаются даже в дипломатической переписке. Великопольская хроника XIV в. открыла дискуссию о происхождении и старшинстве братьев Чеха, Леха и Руса. Обсуждались и такие эпонимы, как основоположник сарматских народов Асармот или пруссов Прус. В этом ряду Рюрик оказывается не столько народным, или этническим, «прародителем», сколько княжеским, а сам княжеский род приобретает статус особого народа. С точки зрения польско-литовских хронистов, опирающихся на «Польскую хронику» Я. Длугоша и ее переработки, Рюрик был исключительно «прародителем» русских и московских князей, причем его приход из германских земель, т. е. с неславянских территорий, создавал проблему, поскольку оказывалось, например, что Рюрик не являлся потомком прародителей Чеха, Леха и Руса и не был вообще сарматского происхождения. Кроме того, его основные спутники, как правило – Синеус и Трувор, не имели потомства, а другие слуги и дружинники Рюрика были безыменны (если не считать Олега, к которому никто себя не возводил), а это создавало проблему происхождения знати вокруг Рюриковичей. Но все же никто из хронистов, начиная с Длугоша и заканчивая Гваньини, прямо не высказал вывода, который мог бы напрашиваться у читателей: сами по себе Рюриковичи не имеют исторических прав ни на один народ европейской Сарматии. Этот вывод был бы легко оспорен из этноцентричной перспективы, если бы Рюрик опирался на элиту, давшую основание «народу», как это было, например, у венгров, поляков, литвинов или древних пруссов. Вспомним программный в этом смысле стих М. Стрыйковского, современный «Истории» Курбского, в котором восхваляются народы, возникшие из перебежчиков и изгнанников:

Była też to jawna kaźń w Rzymie
wywołanie,
Za występki do cudzych krain
odsyłanie,
Gdzie według winy s prawa, tak
długo mieszkali,
Aż pokutę spełnili, albo przejechnali.
Dobre też wywołano czasem i bez
winy,
Jak Scipio, Camillus, niedawny
przyczyny
Cierpeili, Brutus mężny, Cicero
uczony,
I on Naso był w Pontskie wywołany
strony.
A drudzy też już nazad, i do Włoch
nie chcieli,
Gdy się na wywołaniu lepiej niż tam
mieli;
Jak i dziś od nas z Litwy nie każdy się
spiesz,;
Lepiej ich hojna Ceres niż tam figa
cieszy,
Z tych wygnańców w Daciej Włoszy
są spłodzeni,
I w Taurice, gdzie Kapha, s tych też
rozmnożeni,
Z tych w Sio (kędym sam był) w
Greciej osiedli,
Nie dziw tedy do Litwy, iż też swój
ród wiedzli.
Genuenses w Taurice Kaphę fundowali,
Krim, Azow i Kilią, gdy Pont
zholdowali,
Dziś Tatarowie s Turki w tych polach
mieszkają:
Tak się państwa z narody za czasem
mieszają.
W dzikich też polach i dziś mury
stoją stare,
Gdzie przed tym Grecy żyli, rzecz
sama zna wiarę.

В Риме была открытая казнь – из-
гнание,
За преступления – высылка в чу-
жие края,
Где они по закону, в меру вины,
жили так долго,
Пока не покаются или их не вернут.
Добрых тоже изгоняли, иногда
и без вины,
Например, Сципиона, Камилла,
без причины
Страдали они, мужественный
Брут, ученый Цицерон
И Назон был изгнан в Понтийские
края,
А иные уже и назад, в Италию не
стремились,
Так как в изгнании им было лучше,
чем там.
Как и сейчас от нас из Литвы не
каждый торопится,
Щедрая Церера радует их больше,
чем тамошние фиги,
От этих изгнанников в Дакии про-
изошли валахи,
И в Тавриде, где Кафа, от тех же
размножились,
От них в Сию (где я сам был) в Гре-
ции осели.
Неудивительно, что и в Литву свой
род они привели,
Генуэзцы в Тавриде возвели Кафу,
Крым, Азов и Килию, когда Понт
подчинили,
Сегодня татары и турки в этих по-
лях живут:
Так государства и народы со вре-
менем смешиваются.
В диких полях и сегодня стоят ста-
рые стены,
Где раньше жили греки, что и так
понятно,

A dziś Tatarzyn strzela tam dzikie
kobyły,

Gdzie pierwiej mocne zamki, wieże,
z miasty były.

I on Eneas z Trojej tak długo żeglował,
Tak u Scyle i Sirtim w strachu
pielgrzymował,

Afryckie pierwiej brzegi, potym
Włoskie strony

Osiadł, naród rozmnożył trojański
strapiony⁶.

А сегодня татарин там стреляет
диких лошадей,

А прежде были сильные замки,
башни и предместья.

Так и Эней из Трои долго плыл,
Так мимо Сциллы и Харибды
в страхе он путешествовал,

Сначала на африканских берегах,
потом в Италии

Осел он и размножил несчастный
троянский народ.

При всем многообразии исторических примеров, вплоть до современных татар и литвы, русинам и москвитам в этой похвале эмиграции нет места. Их происхождение остается проблемой, в которой этнический прародитель и князь-основатель выезжают из разных земель. В этом же русле написана и первая печатная публикация по генеалогии московских князей – изданная в Кельне 22 мая 1576 г. анонимная «Краткая генеалогия великих князей Московских, извлеченная из их собственных рукописных летописей». Здесь возведение Рюриковичей к Прусу уподоблялось античным греческим и римским родословиям⁷. Для Речи Посполитой 1570 – начала 1580-х годов восхождение к общим предкам-сарматам или к библейскому Иафету было знаком этнического родства. Однако как раз в 1570-е годы здесь были подвержены критике и осмеянию этнические права Пястов на королевский титул и обостренно обсуждался вопрос об этнических истоках тирании. Еще Бартоло де Сассоферрато в середине XIV в. классифицировал тиранов на *tyrannus ex defectu tituli* (тиран-узурпатор) и *tyrannus ex parte exercitii* (тиран по способу правления). Правитель первого типа считался тираном в силу своего незаконного, неместного, чужеземного происхождения. Однако вопрос о предопределенности народов к деспотии и тирании начал обсуждаться под влиянием аристотелианства, открытия «двух Сарматий» М. Меховским и московской «Руссии» С. Герберштейном⁸. Во французской историографии впервые во второй половине XVI в. этот вопрос получил решение в пользу прямой связи между этничностью и политическим типом. Выражением таких взглядов были «Речь против Макиавелли» Инносан Жантийе и «Чудесная речь о жизни, деяниях и поведении Екатерины Медичи, Королевы-матери», в которых тирания королевы выводилась из ее итальянских привычек, причем

ее иностранное происхождение, управление по-итальянски, или по-флорентийски, было представлено как главное доказательство ее тирании⁹.

Сочинения Курбского отражают тот поворот к этноцентричной интерпретации политики, который обозначился в то же время во французской историографии, но был чужд М. Стрыйковскому. Место «Екатерины Медичи» в тексте князя Андрея Михайловича занимает московский тиран, родившийся с помощью чародеев от немощного старика и чужеземки. Князь не сомневается в происхождении русских князей от Рюрика, но он выражает сомнение, что Иван IV унаследовал свои качества правителя от Василия III и Ивана III. Показательно, что этот аргумент напрямую соотносится с той поддержкой, которую Курбский в годы первого и второго бескорольев в Речи Посполитой оказывал клану православных магнатов, вступивших в борьбу за Польско-Литовский престол, – кн. К.К. Острожскому и кн. Ю.Ю. Слуцкому. Острожский конструировал свое происхождение от галицко-волынских Рюриковичей, и особенно – от католического короля галицкого князя Даниила Романовича¹⁰. Православной альтернативой ему был Иван Грозный, и перед титулованными православными магнатами Речи Посполитой стояла непростая задача – доказать, что кандидатура Острожского или Слуцкого более приемлема, чем московская. Не обсуждая этот вопрос прямо, Курбский в своей «Истории» показывал, что подлинным предводителем «сынов русских» был Рюрикович и сын защитника православия, его покровитель, а не московский тиран. Заявленное в «Истории» имперское происхождение Рюрика решало вопрос о выборе между имперской и православной кандидатурами в пользу того же Острожского, тогда как происхождение Рюриковичей от Пруса в тот же период разоблачалось польско-литовской дипломатией, хронистами и поэтами. На сочинениях Курбского легенда о Прусе никак не отразилась.

Кто такие русские князата?

Княжественные потомки Рюрика и Гедимины делятся в сочинениях А.М. Курбского на «пленицы» и «колена», однако никаких аллюзий на местничество и вообще на иерархию княжеских родов мы у него не обнаружим. Княжеские фамилии указываются тремя взаимосвязанными способами: личным или семейным прозвищем, владельческим определением и описательным титулом. Фамилии, образованные от прозвищ, часто вводятся с помощью

связок «глаголемый», «нареченный» и могут выступать лишь как часть фамильной характеристики¹¹. Владельческие определения появляются после связок или непосредственно после имени. В ряде случаев семейное прозвище отсутствует или отождествляется с владельческим или родовым: «княжа Пронский Юрей» и он же стратиг Юрий «именем с роду княжат Пронских»; «княжа Ряполовское Дмитрей» и брат его прадеда Семен «глаголимый Ряполовский»; видимо, Мстиславль А.М. Курбский считал родовым владением кн. И.Ф. Мстиславского, упоминая «Ивана княжа Мстиславское».

Такие титульные характеристики, как «от роду великого Владимира» (Ряполовские, Черниговские, Ярославские, Московские), «с роду княжат Литовских» (И.Ф. Бельский, М.Б. Трубецкой, Е.А. Хованская, Е.Д. Бельская, В.И. Патрикеев), «с роду княжат Суздальских» (А.М. Шуйский, П.И. Шуйский), «с роду княжат Смоленских и Ярославских» (С.Ф. Курбский, И.И. Кубенский, Ф.И. Львов, А.М. Курбский), «с роду великих княжат Тверских» (И.И. Дорогобужский, С.И. Микулинский), «с роду княжат Торуских и Оболенских» (Ф.И. Овчинин) или «з роду княжат Черниговских» (М.А. Оболенский, А. Ярославов, В.К. и Д.И. Курлятевы), «с роду княжат Стародубских» (А.В. Тулупов), «с роду княжат Белозерских» (Неудача Цыплятев), являются продолжениями семейных и владельческих прозвищ и типологически сходны с «описательным титулом». Конструкция «с роду» выступает в сочинениях Курбского в том же качестве, что и европейские фамильные предлоги *de, von, van* и т. д., но в ней не выражен вотчинный подтекст. Родовые определения у А.М. Курбского лишь очерчивают ту территорию, которая была ранее подвластна роду; единственное исключение – происхождение от какого-либо Владимира Великого, символизирующее как единство княжеского дома, так и равные права его представителей на власть в Русской земле.

За каждым княжеским родом обнаруживается свой предок, часто святой. Княжата Литовские восходят к Ольгерду, но интересуют автора «Истории» еще и тем, что являются сородичами польского короля Ягайло. Суздальские и, по Курбскому, Тверские произошли от Андрея Суздальского. Смоленские и Ярославские (один род) у Курбского – от Федора Ростиславича Черного. Торусские и Оболенские – от Михаила Всеволодовича Черниговского. Родовые предки князей Стародубских, Рязанских, Ростовских, Белозерских, Московских Курбским не обозначены. Они возводятся, наравне с другими русскими князьями, к Владимиру Святому и Владимиру Мономаху Великим.

До сих пор неясно, какого Андрея Суздальского Курбский считал общим предком Суздальских и Тверских, но заметим, что при жизни Курбского в России были известны две версии происхождения князей Суздальских – от Андрея Александровича Городецкого и от Андрея Ярославича Суздальского. А в политической элите Речи Посполитой к концу XVI – началу XVII в. бытовало представление о том, что после князя Андрея Суздальского и, в том числе, при монголах в Северо-Восточной Руси власть передавалась между суздальскими князьями. Откуда могло возникнуть это неточное представление?

В одной родословной росписи середины XVI в. упомянут тверской князь Андрей. Речь идет о сфабрикованной генеалогии литовских князей, ведущей их род от полоцкого князя Ростислава Рогволодовича и его сыновей Давила и Мовколда¹². Старшим сыном Давила, старшего из Ростиславичей, назван в этой легенде Вид I, или Волк, который при крещении принял имя Андрея и стал тверским князем. Младший сын Давила Вид II был отцом Пройдена и прадедом Гедимины. Эта генеалогия неоднократно с начала 1560-х годов служила опорой Посольского приказа для обоснования прав Ивана Грозного на литовский престол и должна была стать известной выдвинувшемуся тогда же на первые позиции в Москве Курбскому. Если Курбский принял тверского князя Андрея за суздальского Андрея, то возникала бы возможность рассматривать в рамках данной генеалогии суздальских и литовских князей как представителей одного рода, причем суздальские получали старшинство не только над всеми князьями русскими, но и над князьями литовскими и могли бы рассматриваться в качестве претендентов на московский и литовский престолы одновременно.

Потомками суздальских князей считали себя Слуцкие Олельковичи, создавшие, по всей видимости, легенду о своем происхождении по женской линии от Андрея Суздальского и дочери Даниила Романовича Галицкого. На Юрия Юрьевича Слуцкого в 1570-е годы возлагал особые надежды еще один русский шляхтич – Мачей Стрыйковский. Его сочинения были известны не только в Речи Посполитой. В июле – начале августа 1581 г. в королевском военном лагере готовился ответ на обширное и язвительное послание царя, к этому ответу были присоединены сочинения о тирании «Московита». В опровержение генеалогической легенды о происхождении литовских князей Иван Васильевич получил полоцкую летопись, а о московской тирании – целую подборку, в которую вошли Записки о Московии Сигизмунда Герберштейна, Описание Европейской Сарматии Александра Гваньини (de facto в соав-

торстве с М. Стрыйковским)¹³ и Вандалия Альберта Кранция¹⁴, причем король – его письмо составлялось коллективно под руководством канцлера Яна Замойского – обещал в случае необходимости прислать царю другие сочинения¹⁵. Реакция царя на эту посылку также известна, и из ответа ясно, что прислана была одна книга с выписками: «А что прислал к нам книгу свою, и мы коли вычтем, тогда тому и ответ учиним»¹⁶.

На каких землях княжили?

Во вводных словах к «Истории» истоки трагедии, постигшей покинутое отечество, определены Курбским в глубокой исторической перспективе: «...аще бы изначала и по ряду рекл, много бы о том писати, яко в предобрых русских княжат род всеял диявол злые нравы... яко и во израильтеских царех»¹⁷. Русских князей Курбский сравнивает с израильскими царями, придерживаясь параллелизма между русским великокняжеским титулом и царским титулом Иудеи и Израиля. Царский титул в сочинениях Курбского последовательно отличается от княжеского, следовательно, сравнение русских княжат (причем даже не великих) с царями является литературным приемом. Однако в этом сравнении подспудно утверждается идея полноты суверенитета князя на его земле, от которой отходили и в Москве, и в Речи Посполитой.

Из предков московского государя кн. Андрей Михайлович призывает царя ориентироваться на «княжат русских святых». Князьям принадлежит заслуга достижения суверенитета и объединения земли. Также и распад княжеской общности произошел, согласно Курбскому, не вследствие отвлечения от генеалогического ствола «плениц» и «колен», сепаратизма или политической борьбы. Автор подчеркивает, что царь опалился на «своих единоплеменных и единоплеменных, не противящихся ему». Некоторые из них еще сидят «на своих уделех» и верно служат своему государю. Единый род «предобрых русских княжат» стал жертвой дьявольских козней, и это тем болезненнее для его отпрыска, что разрушение рода происходило на его глазах и роковым образом отразилось на его жизни. Противостояние между царем и его подданными в «тамошней» Русской земле показано в «Истории» как борьба всего княжеского рода и знати, возглавляемой нетитулованными потомками «княжат Решских», против разрушителей земли, избираемых царем из незнатных поповичей и дьяков, а также из простолюдинов. Унижение знати и забвение ценностей княжеского рода впервые

описано московитом в категориях, близких к аристотелианству: царь поработил равных себе и уподобился татарским ханам. Превращение князей в холопов, вероятно, впервые в русской культуре именно у Курбского вызывает резко негативное отношение как еще не совсем оформившийся факт.

В глоссе к переводу Слова о рождестве Иоанна Предтечи кн. А.М. Курбский предложил свой политический идеал русского царства. Земли великих княжат должны находиться в подчинении царей с такими же широкими свободами, как земли «царей от Бога помазанных венцоносных» в подчинении у подлинных христианских цесарей¹⁸. Примеры близкие к идеалу встречаются, по мнению писателя, как в христианских, так и в мусульманских государствах. Все ордынские цари занимают подчиненное положение по отношению к «великому царю ордынскому»; западные короли (цари) получают согласие на свои действия от цесаря Священной Римской империи и папы Римского; восточно-христианские цари подчинены греческому императору и патриарху Константинопольскому. Если цесари иногда упоминаются А.М. Курбским как «цари», то русские правители, удостоившиеся царского титула, ни разу не названы им «цесарями», несмотря на используемое им понятие *Святорусская империя*. Вместе с тем нет в сочинениях Курбского и его ближайших сотрудников претензий на то, чтобы аналогию княжат с царями, заявленную в цитированной выше глоссе, довести до утверждения о равенстве полномочий княжат с полномочиями московских царей. Венчание, помазание от Бога на православное царство превращает князя в главу над остальными князьями, но эта дистанция не является, с его точки зрения, непреодолимой, поскольку царь избирается внутри всего рода по своим достоинствам.

Как понимается Андреем Курбским род, претендующий на царский титул в русских землях? В письме Грозному от 3 сентября 1579 г. Курбский упрекает царя: «...погубил еси славу блаженные памяти великих княжат руских, прародителей твоих и наших, в великой Руси царствующих блаженне и преславне»¹⁹. Нигде в своих сочинениях А.М. Курбский не пишет, что в период монгольского ига кто-либо из русских князей был царем; и наоборот: «...еще в неволи были княжата руские у ордынского царя и от его руки власти приимовали»²⁰. Ближайшие предки Ивана Грозного также не удостоились от Курбского царского титула. Следовательно, «блаженне и преславне» князья царствовали до татаро-монгольского нашествия. В «Истории» «Великая Русь» равнозначна актуальному для автора Святорусскому царству²¹. Очевидно, тот же эпитет относился Курбским к периоду до монгольского нашествия. Во Втором

послании царю он пишет: «Уже не токмо единоплемянных княжат, влекомых от роду великого Владимира, различными смертми поморил еси...»²². Но «великим» (без княжеского титула) в текстах Андрея Михайловича выступает князь Владимир Святославич; в мартирии князей Ярославских указан их предок, также «великий», Владимир Мономах. Этих совпадений достаточно, чтобы относить «Великую Русь» в переписке к Киевскому периоду²³. Таким образом, «великой» Русь, по мнению Курбского, была с перерывом, и это позволяет пересмотреть устоявшееся в историографии понимание *Святорусского царства*, или *Святорусской империи*, как вневременного идеала.

В истории «Кирилловского езда» (1553) встречается «Великая Русь», но в отношении того времени, когда были благодаря советам Вассиана Топоркова «посечены» «благородные и славные», что при всей хронологической неопределенности повествования «Истории» не может относиться к периоду более раннему, чем падение Избранной рады (около 1560 г.). *Русская земля* упоминается еще раз в похвале царю и «избранным» советникам, завершающей рассказ о кануне и первых годах Ливонской войны. Уже в повести о падении Избранной рады говорится о губителях «всего Святорусского царства»²⁴, в рассказе о походе Девлет-Гирея в 1571 г. на Москву – об опустошении «Русские земли»²⁵, а в боярском и дворянском мартирологе – о «Святорусской земле»²⁶, «империи Святорусской»²⁷. В легитимного царя Иван, согласно Курбскому, превратился благодаря патриаршему благословению на венчание и уже в 1561 г. принесенной в Россию греческими послами «книге царского венчания»²⁸. Таким образом, Русская земля не тождественна в представлениях А.М. Курбского Русскому царству (империи). Иван IV постоянно именуется в трудах Курбского «великим князем» как правитель единой Русской земли, а «царем» и «христианским царем» в разных смыслах – как поддержанный христианским «избранным советом» монарх, как царь мусульманских орд и лишь в последнюю очередь, вследствие патриаршего благословения и венчания по византийскому чину, как глава *Святорусского царства*.

Кто сподвижники Рюрика?

Курбский не упоминает ни Синеуса, ни Трувора. Зато среди его героев оказываются князья Решские, т. е. другие князья, выехавшие из Священной Римской империи, «с племени княжат Решских». Это предки крупнейших московских нетитулованных

боярских фамилий – Воронцовых, Колычевых, Шереметевых. С их помощью заполняется тот пробел, о котором говорилось выше: русская знать получает генеалогическое право на владение землей, становится политическим народом наподобие литвинов или поляков. Курбский хорошо знал польско-литовскую историческую модель, сложившуюся к середине XVI в. Его ссылка на «Хронику всего света» М. Бельского в «Истории» показывает, что сходства исторических представлений между двумя этими авторами являются результатом внимательного освоения Курбским сочинения предшественника. В частности, тезис Бельского о поволжском происхождении славян был творчески переосмыслен в «Истории» Курбского, и в его географическом кругозоре Русская земля состоит из московских, польских, литовских и волынских русских. Причем заметное у Курбского обособление волынцев от литвинов и поляков является идеей Бельского, принятой М. Кромером, М. Стрыйковским и А. Гваньини. Волынские «сыны русские» во главе со своими могущественными князьями – последний оплот княжеской власти в русских землях. С этим связаны и все те надежды, которые Курбский возлагает на кн. К.К. Острожского. Отчасти это мировоззрение подтверждало значимость и самого Курбского для объединения Руси.

По отцу Курбский был потомком князя Федора Ростиславича и всех трех упоминаемых им великих домонгольских русских князей: Рюрика, Владимира Святославича и Владимира Мономаха. Если принять во внимание новгородско-киевские основания царской власти в русских землях, Курбский был таким же полноправным претендентом на русские престолы, как и московские великие князья. По матери, Тучковой Морозовой, род князя Андрея Михайловича восходил к легендарному сподвижнику Рюрика князю Решскому. В личности Курбского соединялись две княжеские ветви, служащие оплотом русской знати. При этом на момент написания «Истории» князь оказался единственным таким родословным претендентом. Близкие по значению кланы Федоровых-Челядних и князей Бельских были уничтожены. Мисса Морозов, как уже отмечалось исследователями, – это родословный предок Морозовых Миша. Его имя во всех ранних списках «Истории» пишется через сдвоенные сс. Такое сочетание заставляет предположить, что какая-то часть мартириев «Истории» была до создания кириллического текста написана латиницей. В польской графике звук «ш» в XVI в. передавался как через sz, так и сдвоенную ss, что и могло заставить переписчика передать имя Миши в форме «Мисса».

Ни о каких семи «мужах», вышедших вместе с Рюриком на Русь, современные Курбскому источники не говорят. Можно предположить, что на создание легенды о «семи мужах», пришедших с Рюриком на Русь, оказало влияние житие Александра Невского, в котором перечислены шесть «мужей храбрых и силных», поддержавших князя Александра в Невской битве: Гаврило Алексич, новгородец Збыслав Якунович, полочанин Яков, новгородец Миша, дружинник Сава и княжеский слуга Ратмир²⁹. Новгородца Мишу Морозовы считали своим предком. Но отразился ли на сообщении Курбского именно переосмысленный житийный сюжет, сказать трудно, тем более что многократно упомянутые Курбским Ратшичи, потомки Гаврилы Алексича, никакой генеалогической легенды от автора не устаиваются.

Предок Воронцовых, Колычевых и Шереметевых нигде у Курбского не назван тем же именем, что и предок Морозовых. Однако ясно, что их предки вышли в одно и то же время. Курбский впервые и ошибочно, с точки зрения московских родословных традиций, относит их выезд к эпохе Рюрика, делая это, видимо, чтобы удревнить московскую нетитулованную знать, приравнять ее предков к предкам московских великих князей и подчеркнуть, что московские тираны нарушили равноправие в едином народе Святорусского царства. На этом фоне необходимо еще раз подчеркнуть, что и само понятие Святорусской империи (или царства), неологизм Курбского и гапакс для московской книжности, точно калькирует название родины князей Решских – «Священная Римская империя». Это понятие входило в моду и в Речи Посполитой, где как раз при жизни Курбского под центральноевропейскими влияниями все чаще встречается определение Речи Посполитой как «святой и фалебной». При этом в московской посольской документации в правление Ивана Грозного называть Священную Римскую империю «святой» было непринято.

В сочинениях Курбского воплощено представление об идеальном княжеском роде Святорусского царства. Родовое единство внутри знати обеспечивается генеалогической преемственностью в трех княжеских ветвях – Рюриковичах, Гедиминовичах и князьях Решских. Первая и третья группы сложились в Киевской «Великой Руси». Властные полномочия («старшая власть») принадлежали в тот период только киевским Рюриковичам. В период татарского ига верховная власть принадлежала хану, а русские великие князья были равны между собой. Легитимные наследники Владимира Святославича и Владимира Мономаха в Русской земле князья Суздальские, после них в равной мере великие князья Рязанские,

Тверские, Ярославские, Литовские, Московские и др. Трудно сказать что-то определенное о «Решских князьях» и семи мужах, сопровождавших Герика-Рюрика «из Немец» в Русскую землю. Одним из семи был Михаил Морозов, которого можно отождествить с Михаилом Прушанином ранних родословных книг, но с существенной оговоркой: приход Михаила датируется у Курбского эпохой князя Рюрика. Еще шесть мужей, надо полагать, также признавались в XVI в. основателями боярских родов, но в официальных источниках следов этой легенды не обнаруживается.

Примечания

- ¹ *Ерусалімський К.Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 2 (далее – СК и номер листа Уваровского списка). Л. 99.
- ² *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения / Науч. ред. К.Б. Умбрашко. Новосибирск, 2010. С. 87–89.
- ³ *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1: Латинский и немецкий тексты / Русские переводы с латинского А.И. Малеина, А.В. Назаренко; с ранненововерхненемецкого – А.В. Назаренко. М., 2008. С. 44–45, 92–93. Вплоть до А. Гваньини все польско-литовские хронисты, испытавшие влияние Герберштейна, подчеркивали, что Рюрик не был царем, а был князем или, как у Гваньини, великим князем. Это служит одним из аргументов в пользу того, что царский титул московские великие князья приписывают себе незаконно. См.: *Гваньїні О.* Хроніка Европейської Сарматії. 2-ге вид., доопр. / Упор. та перекл. з польськ. о. Юрія Мицика. Київ, 2009. С. 402, 588, 626.
- ⁴ *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999. С. 52–54.
- ⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910. С. 90. См. также в предыстории «нашего стана» Ивана IV: «...почен от великого Рюрика, который в Великом Новгороде государил, и от великого Владимира, которой всю Русскую землю просвятил святым крещением, болши шти сот лет по ся места всей вселенней ведомо, каково наше государство есть» и т. д. См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: В 10 т. СПб., 1871. Т. 10. Стб. 206–207 (Старица, 14 сентября 1581 г.).
- ⁶ *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi / Wyd. przez M. Malinowskiego. Warszawa, 1846. Т. 1. S. 63–64.
- ⁷ *Мыльников А.С.* Указ. соч. СПб., 1999. С. 115.

- ⁸ *Poe M.T.* "A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca; L., 2000.
- ⁹ *Kąkolewski I.* Melancholia władzy: Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. S. 18–19, 224–225.
- ¹⁰ *Соболев Л.В.* Генеалогическая легенда рода князей Острожских // Славяноведение. 2001. № 2. С. 31–44.
- ¹¹ *Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России: История и перспективы. М., 2004. С. 55–56.
- ¹² *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 35–36.
- ¹³ *Jurkiewicz J.* Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa Sarmatiae Europaeae descriptio (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 67–93.
- ¹⁴ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582): Историко-критическое исследование. СПб., 1904. С. 219–220. Примеч. 3; *Grala H.* Die Rezeption der «Rerum Moscoviticarum Commentarii» des Sigismund von Herberstein in Polen-Litauen in der 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999 / Jubiläumsvorträge herausgegeben von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden, 2002. S. 322.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 79: Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 13. Л. 333 об. К этому событию Гваньини должен был поднести королю экземпляр подготовленной им хроники, что повлекло за собой судебный процесс со Стрыйковским. Примерно в то же время, вероятно, составлялись другие сочинения о тирании Ивана Грозного. Одно из них – История А.М. Курбского. Как раз тогда король (или, вероятнее, канцлер Ян Замоиский) проявил интерес к переписке Курбского с Иваном Грозным. Подробнее см.: *Юзефович Л.А.* Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского // Археограф. ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 143–144; *Грехем Х.Ф.* Вновь о переписке Грозного и Курбского // Вопр. истории 1984. № 5. С. 174–178.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 78: Сношения России с Папским двором. Оп. 1. Кн. 1. Л. 284 об.
- ¹⁷ СК. Л. 1 об.
- ¹⁸ ОР ГИМ. Синодальное собр. № 219. Л. 137 об.
- ¹⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским [Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г.] (далее – ПИГАК) / Отв. ред. Д.С. Лихачев; подгот. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М., 1993. С. 113 (Л. 152).
- ²⁰ СК. Л. 86.
- ²¹ СК. Л. 38 об.
- ²² ПИГАК. С. 101 (Л. 138 об.).
- ²³ Ср.: *Соловьев А.* Великая, Малая и Белая Русь // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 491.
- ²⁴ СК. Л. 69 об.; см. также: ПИГАК. С. 110 (Л. 146).

- ²⁵ СК. Л. 87 об.–88.
- ²⁶ СК. Л. 100 об., 101 об.; ПИГАК. С. 110 (Л. 145).
- ²⁷ СК. Л. 101, 102 об.
- ²⁸ СК. Л. 124–124 об.
- ²⁹ *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 4–5, 21, 75, 129–130; Князь Александр Невский и его эпоха: Исследование и материалы / Под ред. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 192; ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 293 (Л. 164–164 об.); М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 224–225 (Л. 143–143 об.); М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 308–309 (Л. 267 об.–268 об.); М., 2004. Т. 23. С. 78–79 (Л. 126 об.–127); М., 2000. Т. 24. С. 95 (л. 135 об.–136); М., 2000. Т. 10. С. 122; М., 2000. Т. 15. Летописный сборник, именуемый тверскою летописью. Стб. 378–379; М., 2004. Т. 43. С. 93 (Л. 172 об.–173); М., 2001. Т. 7. С. 148; СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 283–284 (Л. 474–474 об.) и др.